

Силенков В. И.
Новокузнецк

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ТЮРЕМНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Ключевые слова: гуманизация исполнения наказания, человеколюбие, общественное мнение, пенитенциарно-педагогическая система, исправление.

Аннотация. В статье проводится ретроспективный анализ становления гуманистических идей в тюремной политике российского государства второй половины XVIII века. Прослеживается взаимосвязь современных преобразований уголовно-исполнительной системы с историческими тенденциями прошлого.

Silenkov V. I.
Novokuznetsk

HUMANISTIC IDEAS IN THE PRISON POLICY OF THE RUSSIAN STATE OF THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY

Keywords: humanization of punishment, philanthropy, public opinion, penal-pedagogical system, correction.

Summary: The article presents a retrospective analysis of the formation of humanistic ideas in the prison policy of the Russian state of the second half of the XVIII century. There is the connection of modern transformation of the correctional system with the historical trends of the past.

Одной из целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года является гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов, доведение условий отбывания наказания до уровня европейских стандартов обращения с осужденными. Осуществление этой цели возможно при глубоком и всестороннем осмыслении не только современной международной практики исполнения наказания, но и изучения опыта, накопленного отечественной

уголовно-исполнительной системой, терпеливом и последовательном формировании общественного мнения о важности проводимых преобразований для развития российского общества и государства.

Современное общество к идее гуманизации исполнения наказания и доведения условий содержания осужденных до уровня европейских стандартов относится не однозначно. В условиях социально-экономического кризиса, свертывания ряда социальных программ и режима жесткой экономии бюджетных средств увеличение расходов на улучшение условий содержания осужденных к лишению свобо-

ды не всегда находит понимание.

В гражданском обществе политика гуманизации отбывания наказания противоречива. С одной стороны, обсуждаются вопросы о необходимости усиления мер ответственности за совершенные преступления, беспощадного, порой жестокого наказания осужденных, по своей форме граничащих со средневековой мезьей. Социологические исследования утверждают, что большая часть населения страны выступает за смертную казнь в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления. Такая позиция есть результат недавней репрессивной уголовно-исполнительной политики государства, которая десятилетиями насаждалась в обществе. С другой стороны, известно, что цивилизованность общества определяется состоянием в нем тюрем, включая и отношение этого общества к осужденным. Исходя из этого, идеи гуманизации и улучшения условий отбывания наказания, будучи объективно необходимыми для цивилизованного развития государства и целей общественного прогресса, должны поддерживаться не только политической элитой страны, но и быть доступными, понимаемыми и принимаемыми самыми широкими слоями населения. Без опоры на общественное мнение путь гражданского согласия и консолидации общества, в том числе и в вопросах реализации идей реформирования уголовно-исполнительной системы, представляется весьма призрачным.

Гуманистическим потенциалом в формировании общественного мнения является обращение к истокам отечественной пенитенциарно-педагогической системы, ее тщательное и вдумчивое изучение и популяризация. Изучение и анализ структурно-содержательного преобразования тюремной системы в истории России, становления методов и средств реагирования

на совершенные преступления важно с точки зрения понимания и осознания национальных традиций отношения к преступникам и исполнению наказания.

Ретроспективный анализ уголовно-исполнительной практики показал, что общий вектор государственных преобразований, начиная с середины XVIII века, приобрел четко выраженную гуманистическую направленность в соответствии с требованиями новой просвещенной эпохи. Политико-философские идеи этого времени пронизаны глубокой верой во всемогущество человеческого разума и мудрое законодательство, способные вернуть человеку человеческое. Не случайно с кафедры Российской академии наук публично заявлялось, что «философский дух сделался духом времени, священным началом законов и нравов; он осветил правосудие человеколюбием, обычай – чувством, он лег в основу двух важнейших предметов – законодательства и нравственности» [1].

Ученые считают, что новые прогрессивные политические идеи, в том числе и в сфере тюремного законодательства, были привнесены в Россию просветительским движением западных энциклопедистов. Однако гуманизм и человеколюбие как принципы мировоззрения и нравственной деятельности никогда не были чуждыми и инородными для русской ментальности. В православной России, в отличие от ее западных соседей, где государственными религиями были католицизм и протестантизм, испокон веков существовало сострадание к падшим, в которых видели не только нарушителей закона, грешников перед Богом и окружающими, но и оступившихся людей. Если в западном христианском мире страдания и мучения подсудимых рассматривались как справедливое возмездие за их грехи и причиненное ими зло, то на Руси к осуж-

денным традиционно относились с жалостью и сочувствием. В их падении сограждане видели долю своей вины и ответственности за содеянное этими людьми.

Даже в случае совершения тяжких общественно опасных деяний, за которые предусматривалась суровая мера ответственности в виде смертной казни, далеко не все приговоры приводились в исполнение. Достаточно часто православное духовенство ходатайствовало перед властью о сохранении жизни преступникам и опальным лицам в силу древнего обычая печалования. По такому прошению освобожденные от смертной казни пожизненно помещались в монастырь.

Истоки такого отношения восходят к библейскому пониманию сущности человека. В православном христианстве человеческая личность является абсолютной ценностью как духовное творение, созданное Богом по образу и подобию своему. И даже после грехопадения в ней остается божественное начало, а следовательно, и возможность исправления и ведения праведной жизни, достойной человеческого существа. Господь Иисус сравнивает благоговение заключенным со служением Себе: «В темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25. 36). Русская православная традиция испокон веков предполагала терпимое и жалостливое отношение к узникам ради их исправления, исходя из понимания того, что милосердие к падшему человеку всегда предпочтительнее мести.

Важным фактором утверждения и широкого развития гуманного отношения к преступнику в России, можно назвать социально-политические и правовые особенности устройства русского общества и специфику уклада его жизни.

Со времен Древней Руси и вплоть до Судебника 1550 года тюремного заключения как специального вида уголовного наказания в стране не существовало. Пре-

ступников нередко передавали на поруки обществу (крестьянской общине) или отдельным поручителям, которые несли персональную ответственность за их поведение. На общину и поручителей возлагались обязанности по содержанию провинившихся, их кормили всем миром, на содержание собирались пожертвования деньгами, одеждой, продуктами, им подавалась милостыня.

Следует принять во внимание и особенности отечественного законодательства, в котором не столько законы государства, сколько само общество оценивало, соответствует ли совершенное деяние категории преступления – «лихому делу». Доверие общественному мнению было настолько велико, что «даже без поличного и даже без суда обвиняемый может поплатиться, если 5–6 «добрых людей» под присягою назовут его вором» [2]. Фактически общество могло изгнать из своей среды (и наказать) человека, против которого никаких прямых доказательств вины не было, основывая свое мнение на внутренней убежденности нравственной испорченности личности.

Этот веками складывающийся порядок понимания справедливости сохранился и в период, когда государство взяло на себя обязанность давать оценку преступлению и определять меру возмездия за совершенное деяние. В условиях укрепления централизованного государства уголовная политика приобрела характер устрашения, власть установила чрезмерно жесткие меры наказания, часто не адекватные тяжести совершенного деликта, при этом существенно расширив сферу их применения. В такой ситуации вполне очевидно, что общественное мнение не могло разделять официальную позицию. Осужденных в народных массах зачастую рассматривали как жертв чиновничьего произвола, они вызывали сострадание и сочувствие.

Не случайно во многих губерниях вплоть до октября 1917 года сохранялась традиция молодоженов приезжать в день свадьбы к тюрьме с корзиной калачей и пирогов [3].

Сострадание и милосердие простых людей к судьбе преступников, гуманное и терпимое отношение к ним, справедливая оценка содеянного нашли продолжение в политике реформ в русском обществе во второй половине XVIII века. В это время впервые на официальном государственном уровне высказываются гуманистические идеи о ценности человеческой личности, необходимости установления в государстве торжества правосудия, возвышения просвещения, изгнания порока и водворения добродетели. В одном из первых своих указов инициатор гуманизации тюремной системы императрица Екатерина II определила содержание государственной политики в сфере исполнения наказания, видя ее в раскаянии преступника, обращении его на путь истины и исправления. В Манифесте от 22 сентября 1762 года по случаю коронации она писала: «...Мы не строгостью законов (которая всегда будет в крайности и последнее от Нас преступникам оных исправление) но прямым соболезнованием о них и милосердием, желаем сердца их поврежденные возбудить к раскаянию, и обратить на путь истины» [4].

С этого времени в России, хоть и медленно, но достаточно отчетливо начинают утверждаться идеи гуманного (человеколюбивого) отношения к преступникам, которые затронули различные стороны российской действительности и законодательства, заложили воспитательные и ресоциализирующие начала отечественной тюремной системы.

Из отечественного права вытесняются наиболее жестокие формы наказания, вводятся ограничения на пытки и телесные наказания, устанавливаются сроки содержа-

ния по стражей и судебного разбирательства. На чиновников, допустивших неисполнение указов и применивших в отношении осужденных неправомерные пытки, возлагается ответственность в виде штрафа [5].

В Указе «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою, и пристанодержательству» отмечалось: «...дабы напрасного кровопролития не было, тем, что лучше в неизвестности, и не имея точного обличения, виновного освободить, нежели невинного истязать по утверждению, одних пыток» [6].

Идеи человеколюбивого, сострадательного отношения к преступнику содержатся во многих правительственных документах того времени. Официальная власть все отчетливее осознает, что жестокость наказания огрубляет нравы не только тех, кого наказывают, но и тех, кто наказывает.

Созвучны идее гуманизации высказывания императрицы Екатерины II, которая в 1767 году в своем «Наказе» – наставлении для кодификационной комиссии по созданию нового Уложения – отмечала: «намерение установленных наказаний, не то, чтобы мучить тварь, чувствами одаренную; они на тот конец предписаны, чтоб воспрепятствовать виноватому, дабы он вперед не мог вредить обществу, и чтобы отвратить сограждан от содеяния подобных преступлений. Для сего между наказаниями надлежит употреблять такие, которые, будучи уравниваемы со преступлениями, впечатляли бы в сердцах людских начертание самое живое и долго пребывающее, и в то же самое время были бы меньше люты над преступниковым телом» [7].

В «Наказе» были сформулированы принципы уголовной политики, в числе которых декларировано и требование об отмене уродующих наказаний: «Все наказания, которыми тело человеческое изуродовать можно, должно отменить» [8].

С этого времени был провозглашен

принцип дифференцированного подхода к оценке содеянного при исполнении наказания, начинает обращать внимание на личность осужденного. Так, содержащихся в тюрьмах по «обыкновенным тяжбым делам», рекомендовалось, по возможности, «не держать под караулом», а отдавать на поруки «с постановкою впредь» [9].

Екатерининские идеи являются первой попыткой реализовать принципы гуманного, человеколюбивого отношения к осужденным на государственном уровне. Как отмечали исследователи этого периода, «принципы, провозглашенные Екатериною II в ее знаменитом Наказе в 1767 году, опередили все европейские законодательства почти на целое столетие» [10].

В период правления Екатерины II и под ее редакцией был подготовлен «Проект устава о тюрьмах», в котором закрепляется лучший опыт организации тюремных систем передовых европейских государств и гуманные идеи самой императрицы. Документ содержал 100 статей, раскрывающих различные стороны функционирования тюремной системы. Он предусматривал раздельное содержание заключенных в зависимости от пола, тяжести совершенных ими преступлений, вида наказания. В нем излагались организационные условия устройства тюрем, обеспечения режима, организации управления. В содержании подготовки тюремного персонала, были прописаны требования к служащим тюрем, которым предписывалось относиться к осужденным человеколюбиво, но без послаблений. Этот проект, как и многие другие прогрессивные законодательные акты, разработанные во времена Екатерины II, не был реализован [11]. Однако идеи и мысли, высказанные импе-

ратрицей, не только вошли во многие будущие законы, но оказали сильное влияние на содержание и направленность педагогических, социальных, правовых воззрений и умонастроений как в России, так и за границей даже в более поздние времена.

Анализ проведенных в середине XVIII века преобразований тюремной системы Российской империи и развитие уголовно-исполнительной системы современной России позволяет констатировать их схожесть в концептуальной гуманистической, человеколюбивой основе. Их объединяет не только масштабы предполагаемых преобразований и изменений сущности предназначения уголовного наказания, но и расхождение официальных взглядов и общественного мнения в оценке происходящего. Нередко мнение социума и власти по ряду вопросов расходятся не в деталях, а в принципе, бывая попросту полярными. Не является исключением и вопрос о гуманизации наказания, условий его исполнения. В середине XVIII века человеколюбивые идеи государственной власти не нашли понимания у дворянства и представителей тогдашнего чиновничества, в то время как на уровне общественной практики они не только разделялись и поддерживались общественным мнением, но были и обязательным принципом частного поведения. Несколько иная ситуация складывается сейчас. Гуманистические взгляды политической элиты, которые разделяют позицию официальных властей, не находят понимания в народе. Эти исторические парадоксы и параллели из нашего прошлого и современности еще требуют своего исследования и всестороннего осмысления.

Библиографический список

1. Войцеховский, М. В. Из прошлого русской школы (Реформа семьи и школы при Екатерине II). / М. В. Войцеховский. – СПб., 1908. – С. 10.
2. Романовский, В. Е. Наказ Императрицы Екатерины II. / В. Е. Романовский. – Тифлис, 1899. – 56 с.
3. Галкина, Н. И. Институт тюремного попечительства в Российской Империи и его особенности / Н. И. Галкина: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Краснодар, 2009. – С. 4.
4. ПСЗ. Т. XVI/ ст. 11.667. – С. 69.
5. ПСЗ. Т. XVI/ ст. 11.750. – С. 155.
6. ПСЗ. Т. XVI/ ст. 11.750. – С. 155.
7. Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения. – С-Петербург, 1907. – ст. 205, – С.59.
8. Там же. С. 59.
9. ПСЗ Т XVI/ ст. 11.750. – С. 157.
10. Филиппов М. «Русая старина» т. VIII, 1873, № 7. Тюрьмы в России. Собственноручный проект императрицы Екатерины II. – С. 3
11. Детков, М. Г., Филиппов, А. Б. Исполнение уголовных наказаний в дореволюционной России / М. Г. Детков, А. Б. Филиппов // Цикл лекций для проведения занятий с личным составом уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации. – М. :НИИ УИС Минюста России, 2004. – С. 12.

Статью рекомендует докт. пед. наук, проф. В. Д. Ширшов